

Секция 4 ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

16 мая 2014 г. Лекционный зал №5, СПбГУП

Руководители секции:

Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
В. Л. МАКАРОВ	директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Часть I. ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Ю. Е. Аврутин¹

ГОСУДАРСТВО, ЭКОНОМИКА, ПРАВО В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Анализируя проблемы и риски развития мировой экономической системы, В. В. Путин подчеркнул, что «Россия может и должна достойно сыграть роль, продиктованную ее цивилизационной моделью, великой историей, географией и ее культурным геномом, в котором органично сочетаются фундаментальные основы европейской цивилизации и многовековой опыт взаимодействия с Востоком»².

Чтобы играть такую роль, помимо всего иного необходимо понимать и практически использовать фундаментальные социокультурные и аксиологические связи, детерминирующие сущностные харак-

теристики и сбалансированное функционирование трех системных компонентов жизнеобеспечения социума: государства, экономики, права. Ядром сбалансированного функционирования этих относительно самостоятельных систем выступает Конституция и как юридический акт, и как уникальное политико-правовое явление, воплощающее единство общедемократических и социокультурных ценностей, отражающих национально-исторические особенности становления и развития системы российского конституционализма³.

Эта очевидная истина приобретает совершенно иное звучание в условиях определенной трансформации, я бы сказал — дрейфа, конституционного права от статуса одной из отраслей публичного права к статусу отрасли публично-частного права, распространяющего процессы конституализации на все сферы политической, социально-экономической, правовой, культурной жизни.

¹ Профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, полковник милиции в отставке. Автор более 100 научных трудов по криминологии, оперативно-разыскной деятельности, теории управления в сфере обеспечения правопорядка, теории эффективности правоохранительной деятельности, в т. ч.: «Криминологический анализ преступности в регионе. Методология. Методика. Техника», «Логико-правовые и социальные основания построения и оценки концептуальных моделей эффективного функционирования органов внутренних дел», «Преступность и общество: проблемы социогенеза», «МВД России 1991–2001 гг.», «Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы» и др.

² URL: <http://izvestia.ru/news/511884> (дата обращения: 17.04.14).

³ См.: *Бондарь Н. С.* Концепция «живого» (судебного) конституционализма: методология исследования в свете практики конституционного правосудия // Теория и практика российского конституционализма: сб. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 77-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина, 26 июня 2012 г. / отв. ред. В. И. Фадеев. М.: Издат. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 15.

Сразу уточню, что в моем представлении конституализация — это процесс проникновения конституционных ценностей в качестве обязательных императивов в различные компоненты жизнедеятельности социума, требующие правового регулирования. При этом конституционное право обеспечивает не предметное сближение публичного и частного права, а сближение методов правового регулирования, минимизирующее «заточенность», например, административного права исключительно на императивные методы регулирования в политической и социально-экономической сферах жизнедеятельности государства и общества.

Выбор средств государственно-властного воздействия, обеспечивающего относительную автономность существования политической и экономической властей, характер взаимоотношений власти и бизнеса, — это всегда выбор правовых режимов осуществления публичного администрирования, поддержания свободы хозяйственной деятельности, предпринимательства.

Для административно-командной системы как особого характера административно-правового регулирования и государственного управления в СССР этот выбор заключался в постоянном наращивании нормативного массива, жестко регулирующего экономические отношения, ограничивающего свободу предпринимательства, трудовую мобильность, не ориентированного на защиту частной собственности.

Совершенно иные ценности заложены в действующую Конституцию Российской Федерации. Однако полностью демонтировать административно-командную систему пока не удалось, как не удалось решить и одну из главных задач административной реформы: переориентировать деятельность органов управления на результат, на обеспечение законности и открытости публичного управления, на защиту прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и юридических лиц¹.

Отсюда необходимость теоретического обоснования и практической реализации такого правового режима функционирования публичной власти, который бы гарантировал, с одной стороны, максимальное ограничение самой возможности административного произвола, неоправданного вмешательства в сферу индивидуальных и корпоративных интересов хозяйствующих субъектов, с другой — повышение эффективности государственного регулирования жизнедеятельности общества в интересах национальной безопасности, социальной справедливости, поддержания достойного уровня жизни населения Российской Федерации.

Помимо всего прочего, это предполагает конституционализацию *текущего законодательства*, действующего в социально-экономической сфере, а также — и это, может быть, главное — конституционализацию *публичной власти*, всех элементов и процедур публичного управления, понимаемую мною как процесс *интериоризации* соответствующими должностными лицами конституционных ценностей и *реализации* их в практической деятельности.

Подчеркивая особую значимость конституционализации публичного управления, я исхожу из понимания опасности, по словам Н. С. Бондаря, нового, глобального конституционного противоречия, проявляющегося «в очередном витке сближения и порой слияния политической и экономической власти»². Слияние власти и экономики, их политизация и бюрократизация, нарушая принцип относительной автономности функционирования государства, экономики и права, способны исказить конституционно заданные формы, методы, средства регулирования экономических отношений, превратить в фикцию конституционные ценности, связанные, в частности, с принципами основ конституционного строя о свободе экономической деятельности, о едином экономическом пространстве, о многообразии и равноправии различных форм собственности (ст. 8), с гарантиями создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7).

К числу средств минимизации подобных рисков я отнес бы конституционализацию нормативной модели публичного экономического порядка на основе конституционных ценностей как юридического воплощения формируемого в рамках конституционализма аксиологического, телеологического, праксиологического видения действительности. Существующая нормативная модель публичного экономического порядка скупо намечена в тексте Конституции России и весьма противоречиво и непоследовательно воспроизведена в многочисленных законодательных и подзаконных актах федерального и регионального уровня, массив которых весьма условно можно назвать экономическим законодательством. Помимо пробельности или избыточности правового регулирования в сфере экономических отношений это не позволяет в должной мере оценить *степень реальности* нормативной основы разделения политической и экономической власти, соответствие этой основы и процессов ее реализации духу и букве Конституции России.

Эта проблема не только нашей страны. С ней в той или иной степени сталкиваются все страны, в которых сформирован или формируется цивилизованный рынок. Став в свое время достижением нового буржуазного строя и западной модели конституционализма, самостоятельность и относительная автономность политической и экономической власти постоянно испытывается на прочность реалиями развития ведущих экономических держав мира, сопровождаясь громкими коррупционными скандалами в Италии и Германии, США и Великобритании.

Не случайно именно с Запада в Россию пришли идеи конституционной экономики, сформулированные рядом ведущих представителей западной экономической науки, в частности Дж. Бьюкененом и Р. Шверри, в работах которых в том или ином контексте звучат термины «конституционная экономика» и «конституционный выбор»³.

² Бондарь Н. С. Указ. соч. С. 18.

³ См.: Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6; Шверри Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7.

¹ См.: Ноздрачев А. Ф. Контроль: правовые новеллы и нерешенные проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 18–28.

Мне представляется, что термин «конституционная экономика» может нести в себе по меньшей мере два значения.

Во-первых, его можно воспринимать как синоним *легальной* экономики, которая существует *официально*, в рамках действующего в данной стране и в данное время конституционно-правового поля. Эта система может быть рациональной и нерациональной, целесообразной и нецелесообразной, эффективной и неэффективной в зависимости от избранных *критериев* оценки.

Во-вторых, понятие «конституционная экономика» может рассматриваться как *антитеза* тоталитарной государственной экономики, отражая процессы сближения Запада и России, стремящейся вернуться в «лоно мировой цивилизации».

И все же более удачным мне представляется другое понятие — «*конституционность экономики*» как синоним легальных экономических отношений и легальной экономической деятельности, «правила игры» участников которой базируются на их четком закреплении в конституционном и текущем законодательстве.

Конституционность экономики имеет и чрезвычайно важный *политико-правовой аспект*. В диалектике взаимосвязи государственных и экономических институтов политическая власть на первый взгляд играет ведущую роль хотя бы в силу монопольного права на законодательство и государственное принуждение. Однако экономическая власть «...легко приобретает

определенную независимость: используя коррупцию, она может воздействовать на закон»¹.

Обе эти тенденции в своем крайнем проявлении одинаково опасны для социума и конституционного строя: *государственный интервенционизм* способен нивелировать действие объективных экономических законов, подчинить развитие экономики сиюминутным политизированным и идеологизированным целям государственного управления; *экономический интервенционизм*, понимаемый как принцип, теория и практика вмешательства экономики в процессы формирования и функционирования политической власти и государственных институтов, способен подчинить волю должностных лиц госаппарата интересам отдельных финансово-промышленных групп.

В связи с этим опасность для прогрессивного общественного развития представляет не власть политическая или экономическая, а любые формы ее бесконтрольности. В ее преодолении нормы конституции играют ведущую роль, формализуя как юридические средства сдерживания трансгрессивной природы государственной власти, так и социальные ориентации национальной экономики. При существовании этого баланса в равной мере можно отвергнуть как догму, рассматривающую государство в качестве силы, подавляющей экономику, так и догму об экономике, диктующей свою волю политической власти.

¹ Russell B. Power. L., 1938. P. 128.